Вечерний клуб. – 1998. – 6-12 авг. – 12

Леонид ФИЛАТОВ:

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, НАШ НАРОД КРАЙНЕ ЦЕЛОМУДРЕН, С ДРУГОЙ — НЕВЕРОЯТНО РАСПУЩЕН

Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Бывает искусственно раздутая популярность. Бывают заслуженно популярные люди, но не более того. Есть же фигуры, которые затронули что-то в душе народа. Филатов вызывает именно такой интерес, это очевидно.

Он оказался признан, не гоняясь за славой. Понятно, что как актеру она ему была бы не лишней, но вот не делал судорожных воспаленных движений, не эпатировал. То, что к человеку пришла известность всего лишь за его труд, уважительно удивляет. Широкой аудитории он заявил себя примерно в одно время в разных областях ("Экипаж", пародии, "Сказка про Федота-стрельца...", "Чтобы помнили") и заинтриговал тем, что везде удачно и органично.

Заинтриговала не только разносторонность — заинтриговал и имидж: с публикой не заигрывал; речь, жест, пауза — все отточено, во всем нерв. В собранности, сдержанности, натянутости. И вдруг болезнь. Все понимают: человек мог гораздо сильнее проявиться, но вот так получилось. Все искренне сочувствовали, за свое же сочувствие искренне полюбили. Полюбили не только за то, что успел сделать, но и выдали авансом — за то, что помешала сделать болезнь. Болезнь прибавила к его достоинствам еще одно: человек с судьбой.

— У Бродского есть фраза про Довлатова, что, читая его, он испытывает "благодарность за отсутствие претензии". Мне кажется, она и к вам подходит.

— (смутился) Спасибо.

— Над чем сейчас работаете?

— Сейчас я занимаюсь разработкой и переделкой чужих сюжетов.

— Что-то вроде того, чем Горин занимается?

— Да. Близко. По намерениям похоже. Не по результатам — по намерениям. Недавно закончил "Лисистрату".

— А по жанру это что, пародия?

— Комедия. Сюжет очень современный: бабы договорились мужикам не давать, пока те не закончат войну. Перевод был сделан Бог знает когда, язык уже не разговорный, не подъемный, пьеса или грубовата чрезмерно, или, наоборот — облегчена, жеманна. В общем, переложение имеет смысл.

— В чем актуальность "Лисистраты", помимо антимилитаристского пафоса?

— Есть и еще одно. Сейчас в моде непристойный юмор. Но все-таки народ у нас в старом бульоне воспитывался: с одной стороны, он крайне целомудрен, особенно в глубинке, а с другой — невероятно распущен.

В России если уж говорить на такие темы, то обязательно надо, чтобы было смешно. Иначе возникает неловкость, неудобство восприятия. Чтобы не возникало ощущение отторжения, нужно делать легче, не грязно, не нагружать свинцом. Тогда непристойность, которая потребовалась как некая стилистическая задача, как компонент обозначения эпохи и способа разговора, будет находиться в области культуры.

— Сейчас много пишут о том, что русские женщины недовольны русскими мужчинами...

— Это специально не имелось в виду. Но, понимаешь, писал русский человек, в определенное время. Писал для русских. Писал по-русски. Разумеется, это русская пьеса. Какие-то реверансы есть в сторону первоисточника, но их чрезвычайно мало. Чтобы обозначить культурные границы, чтобы показать, что я не совсем уж вчера из Тютюшей, а сегодня пишу на тему древней Греции. Но не более того. А все остальное русское, разумеется. Русская речь. Русские обороты. И русский подход к проблеме.

— "Лисистрату" закончили. А в планах?

— Был такой роман эпохи Просвещения, автор — Шодерло де Лакло, французский офицер. По роману сделано два фильма. Один называется так же, как и книга, "Опасные связи", режиссера Фриеерка, американца. Второй — знаменитого Милоша Формана. Он назвал картину "Вальмон". Это куртуазная история с довольно-таки крутой моралью. Действие происходит в Париже. Модель Казановы с совершенно бесплодным концом жизни.

— Почему вас заинтересовал именно этот роман?

— Трудно объяснить. Это когда что-то неуловимо нравится в теме, когда на нее можно пофантазировать. Тут миллион манков: некий флер, запах эпохи, пародийные отношения между тем и новым временем.

— Вы так дружны с Шацкой. Я вам немного завидую...

— Что же завидовать-то? У вас жизнь вся впереди. Это все самому надо делать, все в ваших руках. Супруга или супругу надо воспитывать. Точнее, воспитывать себя по отношению к ней.

— И тогда она будет воспитываться?

— Ну во всяком случае это будет иметь отклик. Побеждает тот, кто терпим. Тогда и желание не возникнет развестись и не надоедите друг другу. Наоборот, будешь бояться потерять.

— Потому что слишком много вложил?

— Правильно. Потому что есть формула: любишь того, в кого вкладываешь. Не того, кто в тебя вкладывает. На первом этапе тебе будет жалко своего вклада. Как же так: человек уйдет, а я в него столько вбухал? Кажется, что это эгоизм, но потом понимаешь, что это более глубокая черта.

— Есть же примеры, когда один вкладывает, а второй, как бездонная бочка, в него уходит-уходит-уходит и через край не льется в ответ.

— Бывает. Но что сказать? Лучше пробовать так, чем по-другому.

— Вы сейчас выздоравливаете?

— Какое-то время я жил совсем без почек. Сейчас у меня одна почка. И на одной люди живут.

— Какую-то эйфорию чувствуете от того, что выздоравливаете?

— Юр, кхм, проживешь с мое, сам узнаешь... Что это мы все о болезни?

— Между прочим, это интересно многим людям...

— Перебьются. Не та тема.

— В парк выходите гулять?

— Пока только на балкон.

— У Искандера написано, что хороший юмор — это след, который оставляет человек, отползая от края. Не замечаете за собой всплеска хорошего юмора?

— У меня нет такой отваги — шутить так, как шутил, например, Михаил Светлов.

— В чем разница между самоедом, "самоистребительным человеком" и комплексантом, загоняющим себя в угол?

— Я предпочитаю иметь дело с закомплексованными людьми, которых не считаю больными, а просто застенчивыми, чем с нахалами. Нахал, как правило, еще и дурак, потому что он не понимает, что и до него на этой территории жили люди. И какие люди! Полное отсутствие комплексов выглядит безобразно. Закомплексованный человек мне кажется более обаятельным, более пригодным для общения.

— Таким образом, между комплексантом и самоедом вы ставите знак равенства?

— Так тоже неправильно сказать... Каждый человек должен проявлять свое активное жизненное состояние, каким-то образом внедряться в жизнь. Но я считаю, если он этого не делает, это не есть грех. Гораздо худший грех, когда человек превышает свои возможности. Когда человек себя недооценивает — вещь более щадящая. Когда переоценивает — это может стать смертельным. Человек рискует получить в лоб. От судьбы, от обстоятельств, от людей.

— Согласен. Да, рискует. Но всегда ли надо себя беречь? Человек надорвался, не вытянул поставленной задачи, но после него остались "Мертвые души". А не было бы претензии — не было бы недоделанного, пусть, но великого романа.

— Нет, это несколько другое... Закомплексованность нашего поколения... Похвалиться особо тут нечем. Сколько было замечательных, одаренных людей, которые из-за неумения противостоять каким-то элементарным помехам не сумели всплыть. Где-то сгинули в провинции, в тамошних театрах. Спились, потому что не было поддержки со стороны. В провинции надо все время иметь зубы, иметь силу физическую, тогда талантливый человек может уцелеть. Вначале хотя бы просто уцелеть — не спиться как минимум. Потом — уметь караулить удачу... Но я говорил о своем предпочтении. Оно означает всего лишь то, что мне более симпатичны люди нельзя сказать апатичные, но не нахалы.

— Можно заразить других ощущением своего неудачничества. Как пример человека, который мало написал, сразу приходит на ум Олеша. Не оттого ли, что очень сетовал на свое малописание? Скепсисом к себе тоже, наверно, можно заражать?

— Про Олешу потому приходит вам в голову, что он имел несчастье декларировать: "Ни дня без строчки". А так он не из самых несчастных. Он сделал две великие книги, которых вполне довольно.

— Так, по вашим жизненным наблюдениям, скепсис к себе заражает или не заражает?

— Как относиться. Что значит скепсис? Я не считаю себя последним гражданином мира. Значит, уже не очень скептичен. А то, что я четко понимаю, что я не Пушкин, никакой не есть скепсис. Просто я трезво понимаю, что это так и никогда по-другому не будет. Таким уж я родился.

Я тут услышал: один молодой режиссер сделал картину, имевшую шумную рекламу. Ему говорят: "Как вам самому-то кажется, хорошая картина?" "Ой, по-моему, замечательная". Ему говорят: "Ну вы скромняга большой". Он: "Ну ладно (отмашка). Сейчас уже кончилось время скромников. Это уже все надоело. Так промолчишь про себя, и другие ничего хорошего не скажут". Он думает, что Судьбу и Вечность можно обмануть: сам про себя скажу, а потом решат, что сказали другие. И как бы это в реальности где-то будет существовать как мнение.

— Но режиссер же должен накачивать верой в себя? Хотя бы свою команду.

— Конечно, если я делаю сегодня вещь, которая мне нравится, я должен быть уверен, что делаю правильно. Если я скажу, что я куда-то не туда иду, что все, что я делаю, — галиматья, конечно, это будет неискренне. Но это локальное. Я об надувании говорю. Это вредно для здоровья самого надувающего. А то, что человек уверен на каком-то отрезке, что он делает правильно и он не должен упасть, — это необходимость самого бытия человека. Какие-то вещи опорные в человеке должны быть. Это может быть и самотерапией. Другой вопрос: не надо сообщать миру об этом вслух. В личной беседе можно сказать (понижает голос заговорщицки): "Все-таки я в себя верю". Я своей жене говорил в начале наших взаимоотношений: "Увидишь, я буду знаменит". Я же так и верил. Не от наглости. Хотя и провинциальная наглость была — я тогда размеров Москвы не понимал. Но у меня тогда уже было ощущение, что я не случайный человек здесь. Вообще завоевывать пространство вещь не простая. Уж каких людей забывали в стране. Как сказал Кушнер: "Жизнь дана человеку не для того, чтобы жить вечно". Не для того тебе дается жизнь, чтобы ты пытался обеспечить себе бессмертие. Это безумная идея, и не нужно это...

Встречался
Юрий **СОЛОДОВ**

Вечерний клуб 12.08.98